

на Эриугену мог быть только автор «Ареопагитик». Однако и его зависимость от неоплатоников «ограничивается внешним сходством, не доходящим до глубин его учения, и объясняется терминологией, свойственной данной эпохе»⁵. Исходя из этих соображений, Эриугену более целесообразно рассматривать как завершающее звено в развитии западной патристической мысли. Недаром в последнее время исследователи подчеркивают многообразные связи мирозерцания Эриугены с богословием Августина⁶.

Но уникальность Эриугены прежде всего состоит в том, что в своем мировоз-

⁵ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной Церкви // Богослов. тр. 1972. Сб. VIII. С. 21.

⁶ Помимо указанной работы Ж. Мадека, см., например, несколько статей, посвященных этой проблеме в сб.: *Eriugena: Studien zu seinen Quellen* // *Vorträge des III: Intern. Eriugena-Colloquiums*. Freiburg im Breisgas, 27—30 August 1979 / Hrsg. W. Beierwaltes. Heidelberg, 1980. S. 55—116.

Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1982. XIV+361 S.

Среди исследований, посвященных Крещению Руси и опубликованных в преддверии 1000-летия этого знаменательного события, бесспорно, одно из самых видных мест займет фундаментальный труд западнонемецкого католического иеромонаха отца Герхарда Подскальски «Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237)». Ее автор является одним из самых крупных современных ученых, обращающихся в своих работах к церковно-историческим проблемам православия. Он профессор древней церковной истории, византийского и славянского богословия в Высшей философско-теологической школе св. Георгия (Франкфурт-на-Майне) и, кроме того, осуществляет чтение лекций как профессор Папского Восточного института (Рим). Научные исследования отца Г. Подскальски, и особенно книга «Богословие и философия в Византии» (Мюнхен, 1977), принесли ему заслуженную известность в церковном и научном мире.

В предисловии к рассматриваемой книге проф. Л. Мюллер (Тюбинген), известный славист, справедливо замечает, что этот труд один из самых значительных по данной проблематике со времени появления книги проф. Георгия Флоровского «Пути русского богословия» (Париж, 1937). Сам автор в вводной главе монографии поместил сжатый обзор литературы общего характера, зна-комящий с итогами и состоянием изуче-

нении он органично сочетал традиции и западной, и греческой патристики. В его лице как бы проявляется и четко оформляется глубинное единство обеих частей христианского мира, которое, несмотря на все схизмы и тенденции к обособлению, было еще живо в IX в. Многолетняя переводческая деятельность Эриугены способствовала укреплению внутренних связей между византийской и западной церквами. В частности, перевод *Ambigua* имел большое значение — по суждению Э. Жоно, он вводил латинян в духовный мир восточного монашества, снабжал их флорилегием патристических цитат, обогащал их философскую терминологию и приоткрывал дверь некоторым аристотелевским темам⁷. Поэтому выход в свет критического издания этого перевода позволяет нам более полно представить картину духовных и культурных связей Византии с Западом.

А. И. Сидоров

⁷ *Jeauneau E. La traduction érégénienne des Ambigua de Maxime le Confesseur: Thomas Gale (1636—1702) et le Codex Remensis* // *Jean Scot Erigène*. . . P. 135.

ния материала, легшего в основу книги. Следует особо подчеркнуть, что обзор отличается объективностью и редкой полнотой.

Структура исследования выделяется четкостью, и поэтому читателю легко ориентироваться в столь многоплановой книге, с вниманием к различным деталям. Всего в книге три главы, из которых две состоят из многочисленных разделов, а последняя имеет характер заключения. В приложениях помещены статья А. Поппэ (Варшава) «Митрополиты и князья Киевской Руси», а также перечни византийских императоров, константинопольских патриархов и римских пап (до 1281 г.). В библиографических дополнениях учтены работы, не вошедшие в подстрочные примечания либо выпавшие после окончания работы автора над книгой. Именной и предметный указатели, которым предшествуют биографические справки о некоторых русских князьях, позволяют использовать труд Г. Подскальски как ценное справочное издание, особенно учитывая его универсальность в отношении всей истории христианства на Руси в домонгольский период.

Глава, озаглавленная «Русская церковь: Возникновение, организация, духовная жизнь», посвящена собственно церковно-историческим вопросам. Естественно, что речь идет прежде всего о начале христианизации Руси, связываемой преданием с именем апостола Анд-

рея. Как известно, существование христианских общин на Руси до Владимира не подлежит сомнению: оно подтверждается как интерпретацией письменных источников¹, так и археологическими данными². Более того, известно о русских христианах времени князя Игоря, о св. Ольге, о первых христианских мучениках — двух варягах³. Однако все эти факты отнюдь не умаляют заслуг св. князя в приобщении к христианству целого государства, одной из самых сильных стран в тогдашней Европе. Сам факт крещения Г. Подскальски освещает в строгом соответствии со свидетельствами исторических источников. Как особенности местного характера отмечены «двоеверие» с рецидивами языческих верований и широкое внедрение христианской обрядности, чему в немалой степени способствовало активное храмовое строительство. Его осуществлял и сам Владимир, и особенно его сын, Ярослав Мудрый, возведенный которым Софийский собор в Киеве стал кафедральным храмом русских митрополитов.

Учреждение русской митрополии — вопрос, в решении которого в исторической литературе высказывались диаметрально противоположные взгляды исследователей, оперировавших часто одними и теми же фактами. Автор книги выделяет шесть различных позиций. В последнее время начальной истории русской иерархии большое внимание уделяет польский исследователь А. Поппа, предлагающий новую схему⁴. Данные о русских епископах при всей отрывочности сведений все же проливают свет на организацию русской митрополии и ее структуру в XI—XII вв., и именно в этом плане их использует Г. Подскальски. Говоря о распространении христианства на Руси и об учреждении церковной иерархии, трудно было обойти молчанием деятельность латинских проповедников, следы которой остались в древнерусской литературе. Исследователь ее касается (с. 27), но не акцентирует на ней внимание. Отношение государства к церкви в Киевской Руси сейчас представляется более ясным, чем другие вопросы внутренней церковной истории.

¹ *Авенариус А.* Христианство на Руси в IX в. // *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert.* Pr., 1978. P. 301—315.

² *Ширинский С. С.* Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // *Древняя Русь и славяне.* М., 1978. С. 203—206.

³ *Poutsko B.* Les martyrs varégués de Kiev (983) // *Analecta Bollandiana.* Bruxelles, 1983. T. 101. P. 363—385.

⁴ *Поппа А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // *ВВ.* 1968. Т. 28. С. 85—108.

В книге также довольно детально освещены соборы, а также еретические движения XI—XII вв.

Развитие монашества и монастырей в Киевской Руси в исследовании Г. Подскальски в основном показано на примере Киево-Печерского монастыря, духовно связанного с Афоном. Другие русские монастыри, не охваченные специальной литературой, остаются как бы в тени.

Славянская переводная литература автором книги «Христианство и богословская литература в Киевской Руси» рассматривается дифференцированно: выделены кирилло-мефодиевские и позднейшие разграниченные от них переводы, выполненные в Болгарии и на Руси (с. 56—72). Материал, положенный в основу этого раздела, столь обширный, что автору исследования пришлось дать его изложение почти в тезисной форме, может быть отчасти и потому, чтобы не дублировать содержание следующей главы. Литература, указанная в примечаниях, дает конкретное представление о состоянии изучения памятников славянской письменности, связывающих ее с общехристианской, прежде всего с грекоязычной. В непосредственной связи с литературой охарактеризовано образование в Киевской Руси, взгляды на уровень которого за последние десятилетия заметно эволюционировали по мере его углубленного изучения. Сейчас уже невозможно оставаться на позициях Е. Е. Голубинского, как справедливо замечает Г. Подскальски (с. 74). Что касается чуждого влияния в древнерусской литературе, то оно ограничено элементами, ставшими составной частью византийской образованности. И, конечно, оно не было столь всеобъемлющим, как представлялось некогда Г. М. Барацу.

Татаро-монгольское нашествие, спровоцировавшееся разорением Киева в 1240 г., резко затормозило развитие древнерусской духовной культуры, что не могло не сказаться на общем течении церковной жизни. В то же время оно было не в состоянии изменить общественную функцию Русской церкви и ее учреждений. Это очень скоро уяснили преемники Батия и предоставили православному духовенству право осуществлять духовное руководство над паствой. Далеко не сразу наметились изменения и в структуре иерархии. Тем не менее эпоха Киевской Руси осталась в прошлом.

Богословской литературе киевского периода (988—1237) посвящена третья глава, по объему представляющая большую часть книги Г. Подскальски. Автор в первую очередь предлагает разбор образцов русской гомилетики, представленной именами митрополита Илариона, новгородского епископа Луки Жидяты, преп. Феодосия Печерского, митрополита Климента Смолятича, епископа Кирилла

Туровского, игумена Авраамия Смоленского, монаха Георгия Зарубского и епископа Серапиона Владимирского. Значительно более обширной является агиографическая литература. Ее древнейшим образцом служит житие св. князей Бориса и Глеба. Нестор является автором жития Феодосия Печерского. Известны также тексты житий других русских святых этого периода (св. Леонтий Ростовский, Авраамий Смоленский, Владимир, Ольга, Евфросиния Полоцкая). Исключительное внимание русские агиографы проявили также к памяти св. Николая Мирликийского, посвятив ему житийное сказание и похвальные Слова.

Не менее обширна и аскетическая литература, охватывающая произведения монаха Иакова, митрополита Никифора I, епископа Кирилла Туровского и тех авторов, сказания которых вошли в состав Киево-Печерского патерика. Полемиическая литература, в основном против латинян, является следствием раскола 1054 г. Как показывает автор книги, большое значение в церковной практике получила на Руси с раннего времени каноническая литература; близкими по содержанию церковным правилам оказываются и княжеские уставы. Особый раздел в литературном наследии эпохи Киевской Руси составляют записки русских паломников по святым местам, таких, как игумен Даниил и новгородский архиепископ Антоний. В сложных по составу летописях немало текстов, имеющих прямое отношение к русской церковной истории, вплоть до включенных отдельных произведений, изобилующих цитатами из Священного писания и творений Отцов церкви. Поэтому представляется вполне закономерным включение Г. Подскальски этих литературных жанров, часто относимых к разряду «светских», к богословскому наследию Киевской Руси. Все произведения, объединенные в циклы, в книге подвергнуты тщательному анализу с учетом специальных работ.

Едва ли не лучшими страницами труда Г. Подскальски являются посвященные литургической поэзии — богослужебным текстам, древнейшим среди которых следует считать Службу св. Борису и Глебу, надписанную именем киевского митрополита Иоанна (XI в.). Автор книги пристальное внимание уделяет выразительным поэтическим средствам русских служб, отмечая активное использование библейских образов. В этом отношении русские гимнографы шли за своими византийскими учителями, теми знаме-

нитыми песнописцами, славянские произведения которых должны были появиться одновременно с распространением христианства на Руси. По утверждению автора книги, «Киевский период» не прекращается с татарским нашествием, но потенциально продолжает свое существование. Последний раздел главы отведен различным сборникам, сказаниям, словам разнообразного содержания, поучениям, «Правилу» митрополита Кирилла.

Общая характеристика развития богословия в Киевской Руси содержится в краткой заключительной главе книги. Опираясь на результаты разнообразного и тщательного анализа огромного материала, Г. Подскальски стремится увидеть особенности русского христианства в его связях с Византией. Действительно, некоторые византийцы (греки) становятся русскими духовными писателями, в первую очередь митрополиты XI—XII вв. — периода господства диглоссии⁵.

Крещение Руси много раз освещалось в литературе с различных конфессиональных позиций, особенно в связи с юбилейными датами в 1888 и 1938 гг. Особо следует упомянуть «Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси, 988—1938» (Белград, 1938). И все же на этом широком фоне разновременных работ книга Г. Подскальски слишком ярко выделяется не только обилием нового материала и новизной в освещении многих вопросов духовной жизни, но и тщательной аргументацией выводов, объективных и лишенных тенденциозности. Богословская литература воспринимается во всей своей полноте как большое явление, явившееся следствием развития христианской мысли в Восточной Европе.

Очень существенно, что исследование дает цельное представление о русском православии эпохи Киевской Руси, что развитие богословской литературы осмыслено в реальном историческом контексте. Все это делает книгу Г. Подскальски важным пособием при изучении истории Русской церкви. Выход книги, принадлежащей перу видного католического ученого, является событием большого значения.

В. Г. Пуцко

⁵ См.: Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.